

ТРАКТОВКА ПОНЯТИЯ «РУССКИЕ» В РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ МЫСЛИ (1860-е – 1917 гг.)

Отмена крепостного права и последовавшая за ней «эпоха великих реформ», пробудившая российское общество, не только открыли путь развитию капитализма в России, но и стали рубежными событиями как в истории русского национализма, так и в осмыслении национального вопроса в Российской империи. Именно в 1860–70-е гг., после обретения личной свободы значительной частью русского народа, в публицистике громко зазвучал «русский вопрос», выведя полемику о том, кто же такие русские, на качественно новый уровень. Весьма заметный вклад в осмысление этого вопроса внесли представители консервативного лагеря, традиционно уделявшие «русскому вопросу» особое внимание.

Большинство русских консерваторов было чуждо этнического («племенного») национализма, трактуя понятие «русские» весьма широко. Русскими для них были, как минимум, все те, кто считал русский язык для себя родным и исповедовал православную веру (напомним, что именно по этим двум критериям — вероисповедание и язык — в Российской империи определялась национальная принадлежность). Но на практике в 1860-е гг. встречались и более широкие трактовки «русскости». Так, консервативная газета «Весть», издававшаяся В. Д. Скарятиним, выбросив в 1867 г. лозунг «Россия для русских», поясняла, что под русскими она разумеет «всех верных подданных русской империи»¹. Таким образом, как справедливо отмечает В. В. Ведерников, «Весть» «отстаивала идею политической нации»².

Совершенно чужд этнического национализма был и такой видный представитель русского консерватизма, как М. Н. Катков. Отстаивая необходимость «здоровой национальной политики», базовым принципом которой Катков считал наличие в империи

¹ Весть. 1867. 18 декабря.

² *Ведерников В. В.* Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 162.

только одной государственной национальности — русской, консервативный публицист сделал принципиально важное уточнение: «русская национальность есть не этнографический, а политический термин, <...> русский народ есть не племя, а исторически из многих племенных элементов сложившееся политическое тело»³. И хотя Катков не был чужд национализма, названного современным исследователем «бюрократическим»⁴, в катковском национализме этничность отходила на второй план. «Для того, чтобы быть русским в гражданском смысле этого слова, — утверждал он, — достаточно быть русским подданным»⁵. Настаивая на том, что «в России нет и не может быть другой национальности, кроме русской, другого патриотизма, кроме русского», Катков непременно добавлял: «мы вполне допускаем, что русскими людьми и русскими патриотами могут быть, как и бывали, люди какого бы то ни было происхождения и какого бы то ни было вероисповедания»⁶. Таким образом, в трактовке М. Н. Каткова понятие «русский» также получало расширительное значение, ибо не только происхождению, но и вероисповедной принадлежности этот консервативный публицист не придавал первостепенного значения. Для него гораздо более важным была языковая унификация и лояльность русскому (в культурном и политическом плане) государству.

Однако со временем понятие «русские» стало сужаться, обрастая все новыми и новыми оговорками. В этом плане примечательна статья 1896 года, написанная географом и историком, членом совета Министерства народного просвещения И. П. Корниловым, в которой, противопоставляя русских инородцам, автор понимал под первыми русских «по крови, вере, воспитанию и месту жительства»⁷. Должны ли были все перечисленные элементы наличествовать одновременно, или уже одного из них было достаточно для того, чтобы считаться русским, Корнилов не уточнял, но сам факт указания таких критериев, как «кровь» и «вера», весьма примечателен.

Впрочем, «кровь» для русских консерваторов XIX в. никогда не была определяющим фактором. Достаточно вспомнить, что множество российских дворянских родов, в чьей «русскости» никто не сомневался, имели тюркские, немецкие, французские, польские, кавказские и другие национальные корни; все русские императоры, начиная с Петра III, были Гольштейн-Готторп-Романовыми, т. е. по крови куда больше немцами, чем русскими, а все императрицы, начиная с Екатерины Великой, — немками, за исключением супруги Александра III — Марии Федоровны, бывшей датской принцессой (впрочем, тоже принадлежавшей к немецкой династии — Глюксбургам). Император Александр III по крови был русским лишь на 1/64, но это не мешало представителям консервативного лагеря видеть в нем само олицетворение «русскости» и «царя-националиста»⁸. Таким образом, «принцип крови» не играл решающей роли, — стать русским при желании мог представитель любой народности.

³ Московские ведомости. 1882. 25 мая.

⁴ См.: *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016.

⁵ Цит. по: *Котов А. Э.* «Современная нефеодалная монархия»: Русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. М., 2015. № 4. С. 132.

⁶ Цит. по: *Котов А. Э.* Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013. С. 15–16.

⁷ [Корнилов И. П.] Россия для русских // Отголоски. 1896. 7 июля.

⁸ См., например: *Ковалевский П. И.* Александр III. Царь-националист. СПб., 1912.

При этом вероисповедный вопрос для большинства консерваторов имел принципиальное значение, являясь одним из важных маркеров национальности. В связи с этим, отмечает А. В. Репников, «не случайно у европейских мыслителей, обращавшихся к истории России, порой создавалось впечатление, что понятие “русский” тождественно понятию “православный”»⁹. Более того, для некоторых русских консерваторов принадлежность к православию играла роль гораздо большую, чем этническое («племенное») происхождение. Это, впрочем, не означало, что к национальной принадлежности государствообразующего народа консерваторы конца XIX в. относились с пренебрежением, но ради государственного единства они были готовы отодвинуть ее на второй план. Очень показательны в этом отношении слова выдающегося консервативного мыслителя К. Н. Леонтьева: «Поймите, прошу вас, разницу: русское царство, населенное православными немцами, православными поляками, православными татарами и даже отчасти православными евреями, при численном преобладании православных русских, и русское царство, состоящее, сверх коренных русских, из множества обруселых протестантов, обруселых католиков, обруселых татар и евреев. Первое — созидание, второе — разрушение. А этой простой и ужасной вещи до сих пор никто ясно не понимает...»¹⁰ Отмечая, что «племя» (национальность) без системы своих религиозных и государственных идей едва ли может быть объектом восхищения, Леонтьев писал: «За что его любить? За кровь? Но кровь ведь... ни у кого не чиста... И что такое чистая кровь? Бесплодие духовное!.. Любить племя за племя — натяжка и ложь <...> Кто радикал отъявленный, то есть разрушитель, тот пусть любит чистую племенную национальную идею...»¹¹ В связи с этим Леонтьев приходил к выводу, что главным отличительным признаком русской национальности является его религиозно-политическая приверженность к православно-самодержавной власти. «Именно Православное Самодержавие, а не просто Самодержавие и не просто Православие», — подчеркивал он¹².

Вопросом «кто такие русские» задавался и видный публицист консервативных взглядов, стоявший в начале XX в. у истоков создания Русского собрания (позже, правда, объявивший себя «прогрессивным националистом»¹³) С. Н. Сыромятников. Летом 1896 г. он опубликовал на страницах «Нового времени» фрагмент письма неизвестного корреспондента¹⁴, в котором, помимо прочего, был поставлен вопрос о том, кого следует считать русскими. Спустя 13 лет Сыромятников развил те же мысли (причем, порой, теми же словами) в другой публикации¹⁵, вышедшей уже под его именем, поэтому есть все основания считать его автором обеих статей. Размышляя над тем,

⁹ Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 306.

¹⁰ В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники», переписка, неопубликованные тексты, статьи о К. Н. Леонтьеве, комментарии / Сост. Е. В. Ивановой. СПб., 2014. С. 253.

¹¹ Цит. по: Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006. С. 148–149.

¹² Цит. по: Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 308.

¹³ Санькова С. М. Сыромятников Сергей Николаевич // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. М., 2011. С. 642.

¹⁴ Сигма [Сыромятников С. Н.] Разбор ходячих понятий // Новое время. 1896. 23 июня.

¹⁵ Сыромятников С. Н. Пределы национализма // Голос Москвы. 1909. 2 декабря.

кого следует считать в России русскими, консервативный публицист задавался вопросами: «Что значит это слово? Имеет ли оно племенное, религиозное, государственное или географическое значение?» Не соглашаясь с узконационалистическим взглядом, что понятие «русские» включает в себя исключительно великороссов, Сыромятников напоминал, что российское дворянство «очень пестрого племенного состава» и в России «по счастью, нет племенных патрициев, наше патрицианство — служилое, ничего общего не имеющее с национальным принципом». Поэтому, рассуждал далее публицист, если согласиться с тем, что русские «понятие этнографическое», то «чисто русских очень немного, большинство великороссов окажутся финно-татарами». А если понятие «русский» тождественно понятию «православный», то как тогда быть с раскольниками и сектантами, которые не раз оказывали помощь русскому делу во время польских восстаний и русско-турецких войн? В связи с этим Сыромятников приходил к выводу, что «слово “русский” выражает понятие государственное, которым обозначается господствующее население империи, употребляющее один государственный язык, управляемое одними законами» и имеющее общую историю. А раз так, заключал публицист, то можно вывести характерные черты понятия «русский»: «Это человек, задавшийся целью насадить культуру в восточной половине Европы, культуру, которая соответствует климату, солнцу, характеру жителей». «Этой цели — создание равнинной культуры — он (русский. — А. И.) может достигнуть, впитав в себя лучшие элементы культуры своих соседей и своих инородных сограждан, — считал Сыромятников. — Для его великого дела будет служить и поляк, и финляндец, и грузин, и бурят. Руководствуясь такими задачами, он не будет относиться к покоренным им народам так, как относится англичанин, который считает не англосакса неспособным к восприятию его культуры, потому что его культура пригодна только для сильных и мудрых, потому что между ним и индусом такая же разница, как между чистокровной лошадей и крестьянской клячей. Между нами и татарами нет той разницы, и многие татары водили к победам русские войска. <...> Не разумнее ли брать от всех входящих в состав империи инородцев то, что у них есть хорошего»¹⁶.

В начале XX в. позаимствованные на Западе националистические идеи стали постепенно сужать представление о русских. Но на практике и черносотенцами-монархистами, и русскими националистами в начале XX в. понятие «русские» все еще трактовалось довольно широко. Практически никто из них не ставил под сомнение, что к русским, помимо украинцев и белорусов, относятся и обрусевшие инородцы, лояльные православию, имперской политике и верные царскому самодержавию. «... Старое время дало нам массу совершенно обрусевших инородцев, которые честно и доблестно служили русскому государству, являясь очень часто лучшими патриотами, чем многие потомки чистокровных русских фамилий», — отмечал, к примеру, видный правый деятель профессор Н. Д. Сергеевский¹⁷. Всех, кто любит Россию, «служат ей и готовы своею кровью защитить ее», называл русскими член Русского собрания генерал М. М. Бородин¹⁸. А идеолог русского национализма профессор П. И. Ковалевский

¹⁶ Сигма [Сыромятников С. Н.] Разбор ходячих понятий // Новое время. 1896. 23 июня.

¹⁷ Русское окраинное общество. Речь Н. Д. Сергеевского на первом собрании 27 апреля 1908 г. СПб., 1908. С. 12.

¹⁸ Деятельность обществ // Мирный труд. 1903. № 5. С. 191.

в одной из своих статей и вовсе утверждал, что под термин «русский народ» «подходят все жители России, состоящие более из 150 национальностей»¹⁹. (Правда, здесь важно иметь в виду, что у П. И. Ковалевского понятия «народ» и «нация» не совпадали. Под термином «русский народ» он понимал практически все население империи, а принадлежащими к русской нации считал лишь тех россиян, которые были объединены не только общей территорией, но и «единством происхождения, единством исторических судеб и борьбы за существование, единством физических и душевных качеств, единством культуры, единством веры, единством языка и территории»²⁰).

Но были, конечно, в начале XX в. и более «жесткие» трактовки «русскости». Так, по мнению ведущего публициста «Нового времени» идеолога русского национализма М. О. Меньшикова, существовал вполне четкий критерий, позволявший отличить русского от нерусского. Причем критерий этот был не расовым и даже не совсем националистическим (в современном понимании этого слова). Для подобной сегрегации Меньшиков предлагал в качестве маркера использовать лозунг «Россия для русских», убежденным приверженцем которого сам он являлся. Те, кто обижаются на слова «Россия для русских», полагал публицист, тем самым расписываются в том, что они не русские, а раз так, то Россия, действительно, не для них, пока они из русских подданных не превратятся в «русских по национальности»²¹. Однако даже Меньшиков, который более чем кто-либо был подвержен секулярному, «зоологическому» национализму и был не прочь, на манер британских расистов, порассуждать о биологическом неравенстве рас и народностей, оставлял представителям национальных меньшинств Российской империи возможность превратиться в русских. То есть даже в этом случае «русскость» трактовалась не только как врожденное качество, но и как приобретенное. И среди русских националистов того времени такой подход к трактовке «русскости» был наиболее популярным. Национал-демократ М. Я. Баясный, обращая внимание на то, что партия русских националистов официально называется Всероссийским национальным союзом, подчеркивал, что первое слово в ее названии «указывает на то, что под словом “русское население” Союз понимает не одно только великорусское племя, но и племена малорусское и белорусское, а также и другие племена, насколько они сливаются с русским населением и считают свои интересы общими со всем русским населением, а Россию — дорогой для них родиной»²².

Впрочем, тут важно отметить, что если для консерваторов-традиционалистов конца XIX в., равно как и для черносотенцев начала XX в., понятия «русский» и «православный» были неразрывно связаны между собой, то в среде русских националистов, балансировавших на грани консерватизма и либерализма, по этому вопросу встречалось разномыслие. Одни из них продолжали придерживаться традиционных взглядов. «...Без

¹⁹ Национальная партия и благо народа. (Статья проф. П. И. Ковалевского) // Русский националист. 1912. 29 июля.

²⁰ См.: *Иванов А. А., Репников А. В.* Ковалевский Павел Иванович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. М., 2010. С. 244–245.

²¹ *Меньшиков М. О.* Собрание земли // Новое время. 1908. 30 октября.

²² *Баясный М. Я.* Чего ожидать от русского национализма // Ладо. Сборник литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. 2-е изд. СПб., 1913. С. 157.

православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова», — утверждал, например, член Главного совета Всероссийского национального союза граф В. А. Бобринский. «Русский народ, — соглашался с ним один из лидеров Киевского клуба русских националистов А. И. Савенко, — создан так, что если он перестает быть православным, он перестает быть русским». Однако другие националисты допускали в этом вопросе некоторую ревизию: «Православие есть отличительная черта русского народа, но совпадение понятий “русский” и “православный” является лишь общим правилом, допускающим исключения», — полагал член думской фракции националистов Д. Н. Чихачев. А В. В. Шульгин и П. А. Кулаковский шли в этом вопросе еще дальше, считая, что вероисповедание вообще «не есть признак национальности», что русские люди не только могут быть православными, старообрядцами и лютеранами и что даже белорусы-католики «должны быть признаны русскими»²³. Более того, для некоторых националистов (например, М. О. Меньшикова) не только православие, но и верность самодержавию не являлась обязательным критерием русскости, что заставило правого монархиста Н. Е. Маркова решительно осудить «фальшивое знамя национализма без веры, без царя» и заявить, что «без русской веры, без русского царя не быть русскому народу»²⁴.

Также следует отметить, что среди видных участников и покровителей монархического движения встречаются выходцы из татарских родов В. П. Мещерский, А. А. Ширинский-Шихматов, А. Н. Карамзин, немцы по происхождению В. А. Грингмут (по другим данным — еврей), М. Ф. Таубе и С. К. Гершельман, поляки В. Ф. Залеский и С. К. Глинка-Янчевский, молдаване П. А. Крушеван, Г. В. Бутми де Кацман и П. Ф. Булацель, грузин И. А. Думбадзе, хакас Н. Ф. Катанов, французы В. Ф. Доррер и М. Н. Дитрих (урожденная де Рошефор), голландец Н. Ф. Гейден и многие другие. А в Главном совете Всероссийского национального союза состояли такие люди как А. П. Урусов, А. А. Потоцкий, Н. К. фон Гюббенет, Ф. Н. Безак, А. И. Урсати, Н. П. Пештич, также считавшие себя, несмотря на нерусские фамилии, «истинно русскими людьми». Никому в голову не приходило считать националиста П. Н. Крупенского не русским, а между тем, отмечал его близкий знакомый В. В. Шульгин, «по своему давнишнему происхождению Крупенские были турки. Бессарабия примерно сто лет тому назад была присоединена к России. За это время род Крупенских, весьма многочисленный, не только обрусел, но и выказал себя ярым приверженцем нового отечества»²⁵.

При этом те русские по рождению люди, которые утрачивали базовые, с точки зрения правых, присущие русской народности качества (православие, монархизм, патриотизм), переставали быть для них русскими. Еще в 1891 г. консервативный публицист генерал А. А. Киреев заявлял, что абсолютно неважно, что «у Некрасова и Успенского и у сродных им по направлению разных мнимых печальников о народе, разных Добролюбовых, Чернышевских etc., etc. (т. е. у писателей революционно-демократического направления. — А. И.) были предки <...> может быть <...> чистокровнейшие славяне, но, несомненно, их этико-религиозные идеалы были нерусские, поэтому и сами они не

²³ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 103.

²⁴ Марков Н. Е. Национализм без веры и царя // Свет. 1908. 26 февраля.

²⁵ Шульгин В. В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 64.

могут служить представителями русского народа, из которого они вышли, но которого не знали и не понимали!» При этом, рассуждал далее Киреев, «убежденная славяно-филка Блудова была варяжского происхождения, одним из председателей Славянского комитета был Гильфердинг, по крови еврей; но можно ли сомневаться в том, что по убеждениям они были русские православные люди?!»²⁶

В начале XX в. представители консервативного лагеря неоднократно возвращались к этой теме. «[Когда] я говорю, что Милоков еврей, — заявлял один из лидеров русских националистов граф В. А. Бобринский, — я положительно не оговариваюсь. Я считаю, что не было более меткого и сильного слова члена Думы Пуришкевича, как когда он провозгласил: “Можно быть фон Анрепом²⁷ и русским, можно быть Милоковым и жидом”»²⁸. «Фамилия ведь ничего не значит, самое название не есть признак национальности», — утверждалось в одном из изданий русских националистов²⁹. Отказывая кадетскому лидеру Ф. И. Родичеву в «русскости», председатель Главного совета Союза русского народа Н. Е. Марков заявлял: «Я <...> долгое время заблуждался и считал Родичева за русского человека. Но теперь, послушав последние речи этого депутата, у меня открылись глаза: Родичев вовсе не русский, Родичев — отрывка исторического атавизма. Каким-то колдовством возродился в нем племянник древней, давным-давно вымершей Веси³⁰. Родичев — это пережиток монгола из Веси, заклятый враг Суздаля и Москвы, полный языческой злобы и беспощадной исторической мести против всего русского, против православного. Родичев — несомненный инородец, враждебный России. Есть такие инородцы, в глазах которых русское государство не более, как ненавистная тюрьма, самое имя Россия “оскорбляет их чувства”, а вид православного креста заставляет их корчиться в судорогах беспредельного бешенства... Что Родичев весьегонец, но не русский, явствует с полной несомненностью из его же собственных речей. <...> Россия в глазах Родичева — не мать, а тюрьма. И вот он поносит и позорит Россию»³¹.

Лидер черносотенного Русского народного союза имени Михаила Архангела В. М. Пуришкевич, мать которого была чистокровной полькой, подчеркивал, что в национальном вопросе русские правые исходят не из этнической принадлежности того или иного человека, а из национальной самоидентификации. «Сопоставьте теперь с одной стороны немцев: Екатерину II, Миниха, Остермана, Меллер-Закомельского, Ренненкампа, Кауфмана и с другой стороны Милокова, Павла Долгорукова, Петрункевича, Родичева, Набокова (лидеров кадетской партии. — *А. И.*). Можно ли и здесь применять зоологический национализм?» — вопрошал Пуришкевич, сравнивая «русских немцев» — государственных деятелей и русских по крови российских либералов, которым он в принадлежности к русскому народу отказывал³².

²⁶ Киреев А. А. Учение славянофилов / Сост. С. В. Лебедев, Т. В. Линицкая. М., 2012. С. 304.

²⁷ Анреп Василий Константинович (1852–1927), из дворян Лифляндской губернии, православный, член «Союза 17 октября», депутат III Государственной думы.

²⁸ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия. С. 98.

²⁹ Там же.

³⁰ Родичев происходил из семьи землевладельцев Весьегонского уезда Тверской губернии.

³¹ Непроизнесенный конец речи Маркова 2-го // Курская быль. 1909. 24 ноября.

³² Цит. по: Шевцов А. В. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. СПб., 1997. С. 27.

Более того, критикуя «зоологический национализм», Пуришкевич указывал, что в основе народного единства должно лежать религиозно-культурное начало, а не этническое, поскольку в противном случае проводники «племенного» национализма будут, во-первых, отталкивать от России входящие в ее состав «единоверные, но не единокровные ей племена», а во-вторых — посягать на народности, входящие в состав соседних держав (прежде всего, Австро-Венгрию), способствуя военному столкновению с ними³³. А публицист Н. Зинченко в заметке, написанной для петербургской националистической газеты «Россия для русских», и вовсе заявлял: «Под словом *русский* мы подразумеваем не только тех русских, которые носят лишь кличку — *русских*, а всех тех, живущих в России, кто любит нашу родину. Тех, кто ради личных выгод не хочет раздробительного дележа России, тех, кто в тяжелые года России будет смело и бодро бороться с врагами русского народа»³⁴.

Приведенные выше примеры дают основания утверждать, что для большинства правых и националистов начала XX в. право называться русским обретал православный человек, отождествлявший себя с русской культурой, русской историей, русскими государственными интересами и бывший сторонником монархической формы правления, вне зависимости от своего этнического происхождения.

Однако политические противники правых — кадеты и социалисты — в пылу полемики постоянно пытались доказать обратное. Причем, похоже, сами не замечая того, что именно они сами и трактуют в своих обличительных текстах понятие «русские» в сугубо этническом ключе. Показательно в этом отношении выступление в 1909 г. в Государственной думе лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, в котором он свел понятие «русские» до узко-этнической трактовки и попытался доказать, что как таковых русских уже и не существует. «В нашей русской истории, — говорил кадетский оратор, — был могучий стихийный процесс слияния национальностей», а потому «все мы были или финнами, или татарами, или еще чем-нибудь», превратившись в «национальную амальгаму»³⁵. Либеральная газета «Биржевые ведомости», высмеивая в стихотворных строках «истинно русских» правых депутатов Государственной думы П. А. Крушевана и В. М. Пуришкевича, делала акцент на их нерусском происхождении: «Да, братец, приходится туго — / Слабеет российский кулак!.. / И руку молдавского друга / Пожал Пуришкевич-поляк»³⁶. «Варшавская мысль» потешалась над тем, что почетным членом местного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела стал такой «вновь испеченный истинно русский человек» как А. Ф. Гейзеринер³⁷. А меньшевик Н. С. Чхеидзе, иронизируя над «выразителем воли державной национальности» депутатом В. К. Анрепом, никак не желал понять, на каком основании человек с немецкой фамилией с гордостью называл себя русским. «После этого <...> никто из нас не мог осмелиться усомниться в том, что депутат фон Анреп не угрюмый финн, не сонный

³³ Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы: В 2 т. / Сост. Ю. И. Кирьянов. М., 1998. Т. 2. С. 97.

³⁴ Зинченко Н. Темы и недомолвки // Россия для русских. 1906. 27 апреля.

³⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Заседание 26. 4 декабря 1909 г. СПб., 1910. Стб. 2987.

³⁶ Attalea p̄ncers. Два монархиста // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1907. 3 мая.

³⁷ А. Т-в. Вновь испеченный истинно русский человек // Варшавская мысль. 1913. 14 июня.

грузин и не кичливый лях, а настоящий храбрый росс», — говорил с думской кафедры Чхеидзе, не преминув отметить, что у этого «настоящего русского человека» «фамилия несколько сомнительного свойства»³⁸.

Таким образом, нередко выходило, что вовсе не консерваторы, а либералы сужали представление о «русскости» до узко этнического, а потом, обвиняя своих политических противников в радикальном национализме и ксенофобии, боролись со своими же представлениями о том, кто в России имеет право именоваться русскими. Эта позиция, видимо, объяснялась тем, что вне зависимости от своих этнических корней, большинство российских либералов себя с православными и русскими не отождествляли, а потому всячески противодействовали пониманию русских как «суперэтнуса» (т. е. не столько этнической, сколько религиозно-культурно-политической общности).

Представители же консервативного лагеря, хотя и не были едины в представлении о том, насколько широки должны быть границы «русскости», в большинстве своем были чужды примитивного «зоологического» национализма. Для одних право именоваться русскими имели все верноподданные империи, для других — только православные, для третьих — велокроссы, малороссы, белорусы и органически слившиеся с русским народом представители других этнических групп. Но даже в самых узких трактовках понятия «русские», консерваторы второй половины XIX – начала XX в. никогда не сводили его до принципов этнической чистоты, кровного родства или расово-биологического критерия, чуждых православной традиции.

Данные о статье

Автор: Иванов, Андрей Александрович — доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, andrey.a.ivanov@spbu.ru

Заголовок: Трактовка понятия «русские» в российской консервативной мысли (1860-е – 1917 гг.)

Резюме: В статье исследуются и анализируются взгляды русских консерваторов и националистов второй половины XIX – начала XX в. на один из важнейших аспектов национального вопроса — «русский вопрос». Автором предпринята попытка охарактеризовать представления наиболее видных представителей дореволюционного консервативного лагеря (М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, А. А. Киреева, В. М. Пуришкевича, Н. Е. Маркова, М. О. Меньшикова и др.) о критериях понятия «русские» и его содержании. Основываясь на широкой источниковой базе, включающей малоизвестные публикации в дореволюционной периодической печати, а также на работах крупнейших современных исследователей русского консерватизма и национализма, автор представляет широкую палитру мнений относительной понятия «русские», существовавшую в России в позднимперский период. Автор доказывает, что представители консервативного лагеря, хотя и не были едины в представлении о границах понятия «русские», в большинстве своем были чужды примитивного этнического национализма. Понятие «русские» никогда не ограничивалось понятием «великороссы», а поглощая последнее, включало в себя значительное число подданных Российской империи, отождествлявших себя с русской культурой. Даже те из русских консерваторов и националистов, кто ограничивал право принадлежности к русскому народу великороссами, малороссами и белорусами, не отрицали возможности расширения критериев понятия «русские» за счет слившихся с русским народом представителей других этнических групп. Таким образом, даже в самых узких трактовках понятия «русские», консерваторы второй половины XIX – начала XX в. никогда не сводили его до принципов этнической чистоты, кровного родства или расово-биологического критерия, чуждых православной традиции.

Ключевые слова: русские, русский народ, российский консерватизм, русский национализм

³⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Заседание 9. 29 октября 1910 г. СПб., 1910. Стб. 676–677.

Литература, использованная в статье

Ведерников, Владимир Викторович. Национальный вопрос в зеркале консервативной публицистики. Газета «Весть» // Исторические записки. 2006. № 9 (127). С. 137–169.

Иванов, Андрей Александрович; Репников, Александр Витальевич. Ковалевский Павел Иванович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия. Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2010. С. 244–245.

Котов, Александр Эдуардович. Птенцы гнезда Каткова. Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, 2013. 143 с.

Котов, Александр Эдуардович. «Современная нефеодалная монархия»: Русская консервативная печать конца XIX века в поисках национальной идеологии // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. Москва, 2015. № 4. С. 130–146.

Котов, Александр Эдуардович. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2016. 487 с.

Коцюбинский, Даниил Александрович. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2001. 528 с.

Репников, Александр Витальевич. Консервативные модели российской государственности. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.

Репников, Александр Витальевич. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). Москва: Готика, 2006. 424 с.

Санькова, Светлана Михайловна. Сыромятников Сергей Николаевич // Петр Аркадьевич Столыпин: Энциклопедия. Москва: «Российская политическая энциклопедия», 2011. С. 641–642.

Шевцов, Алексей Владимирович. Издательская деятельность русских несоциалистических партий начала XX века. Санкт-Петербург: Издательство Российской национальной библиотеки, 1997. 315 с.

Information about the article

Author: Ivanov, Andrey Aleksandrovich — Doctor in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, andrey.a.ivanov@spbu.ru

Title: Treatment of the notion of «Russians» and Russian conservative thought (1860–1917)

Summary: The article analyzes and researches into the views of Russian conservators and nationalists of the second half of the 19th – the early 20th century on one of the most important aspects of the national question — «Russian question». The author attempts to characterize the ideas of the most prominent representatives of the pre-revolutionary conservative camp (M. N. Katkov, K. N. Leontiev, A. A. Kireev, V. M. Purishkevich, N. E. Markov, M. O. Menshikov etc.) about criteria of the notion of «Russians» and its content. Based on many sources, particularly under-reported publications in the pre-revolutionary press as well as studies of the foremost present-day academic specialists in the Russian conservatism and nationalism, the author provides a variety of opinions on the notion of «Russians» existed in Russia in the late-imperial period. The author proves that the representatives of the conservative camp, though not having a unified position about boundaries of the notion of «Russians», by and large were alien to the primitive ethnic nationalism. The notion of «Russians» was never limited to the concept of «Great Russians», but by absorbing it, was comprised of a significant number of subjects of the Russian Empire who identified themselves with the Russian culture. Even those among Russian conservators and nationalists who restricted the right of affiliation with Russian people only by Great Russians, Little Russians and Belarusians, did not deny the possibility of widening the criteria of the notion of «Russians» for account of the representatives of other ethnic groups who blended into Russians. Therefore, even within the most narrow interpretations of the notion of «Russians» the conservators of the second half of the 19th – the early 20th century never reduced it to the principles of ethnic purity, blood ties or racial-biological criterion, alien to the orthodox tradition.

Keywords: Russian, Russian people, Russian conservatism, Russian nationalism

References

Ivanov, Andrey Aleksandrovich; Repnikov, Aleksandr Vitallyevich. Kovalevsky Pavel Ivanovich, in *Russkiy konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: Entsiklopediya*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2010. P. 244–245 (in Russian).

Kotov, Aleksandr Eduardovich. *Ptentsy gnezda Katkova [Nestlings of the Katkov's nest]*. St. Petersburg:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, State University of sea and river fleet of the Admiral Makarov Press, 2013. 143 p. (in Russian). Kotov, Aleksandr Eduardovich. «Sovremennaya nefeodal'naya monarkhiya»: Russkaya konservativnaya pechat' kontsa XIX veka v poiskakh natsional'noy ideologii [«Contemporary non-feudal monarchy»: Russian conservative press in the end of the 19th century in search of a national ideology], in *Tetrad'i po konservatizmu. Al'manakh Fonda ISEPI*. Moscow, 2015. № 4. P. 130–146 (in Russian).

Kotov, Aleksandr Eduardovich. «Tsarskiy put'» Mikhaila Katkova. *Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov* [The «Tsarist way» of Mikhail Katkov. Ideology of bureaucratic nationalism in the political journalism in 1860–1890]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2016. 487 p. (in Russian).

Kotsyubinskiy, Daniil Aleksandrovich. *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya. Rozhdenie i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsional'nogo soyuza* [Russian nationalism in the early 20th century. The birth-death of ideology of the All-Russian national union]. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2001. 528 p. (in Russian).

Repnikov, Aleksandr Vital'evich. *Konservativnye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti* [Conservative models of the Russian statesmanship]. Moscow: Political Encyclopedia Publ., 2014. 527 p. (in Russian).

Repnikov, Aleksandr Vital'evich. *Konservativnye predstavleniya o pereustroystve Rossii (konets XIX – nachalo XX vekov)* [Conservative concepts of rebuilding of Russia (the end of the 19th – the early 20th century)]. Moscow: Gotika Publ., 2006. 424 p. (in Russian).

San'kova, Svetlana Mikhaylovna. Syromyatnikov Sergey Nikolaevich, in *Petr Arkadevich Stolypin: Entsiklopediya*. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ., 2011. P. 641–642 (in Russian).

Shevtsov, Aleksey Vladimirovich. *Izdatel'skaya deyatelnost' russkikh nesotsialisticheskikh partiy nachala XX veka* [Publishing activities of Russian non-socialist parties in the early 20th century]. St. Petersburg: Russian National Library Publ., 1997. 315 p. (in Russian).

Vedernikov, Vladimir Viktorovich. Natsional'nyj vopros v zerkale konservativnoy publitsistiki. *Gazeta «Vest'»* [National question in the mirror of the conservative political journalism. The newspaper «Vest'»], in *Istoricheskie zapiski*. 2006. № 9 (127). P. 137–169 (in Russian).